

КЛАСИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Рекс
Стаут

ПОЖАЛУЙСТА,
ИЗБАВЬТЕ
ОТ ГРЕХА

ПОГОНЯ ЗА ОТЦОМ
УБИЙСТВО НА РАНЧО
ПОЖАЛУЙСТА, ИЗБАВЬТЕ ОТ ГРЕХА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 78

Rex Stout
THE FATHER HUNT
Copyright © 1968 by Rex Stout
DEATH OF A DUDE
Copyright © 1969 by Rex Stout
PLEASE PASS THE GUILT
Copyright © 1973 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Александра Санина

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-22202-1

© А. В. Санин, перевод, 1993, 1994
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Инostrанка®

ПОГОНЯ
ЗА ОТЦОМ

ГЛАВА 1

Обычно такое случается раз или два в неделю. Мы с Лили Роуэн, возвращаясь из театра, с вечеринки или с хоккейного матча, выходим из лифта и останавливаемся перед дверью ее пентхауса на крыше многоквартирного дома на Шестьдесят третьей улице между Мэдисон-авеню и Парк-авеню. Вот тут-то и возникает главный вопрос. Я спрашиваю себя: следует мне открыть дверь самому или уступить это право Лили? Лили тоже размышляет: открыть дверь самой или позволить мне? Мы никогда не обсуждали эту проблему, тем более что решается она всегда одинаково. Лили вынимает свой ключ и улыбается, словно желает сказать: да, мол, я знаю, что ключ у тебя есть, но дверь-то моя! И я улыбаюсь в ответ. У нас принято считать, что мой ключ лучше использовать в иных ситуациях, которые возникают не очень часто.

В тот августовский четверг мы с Лили отправились на стадион Ши, чтобы посмотреть, как «Метс» посрамят «Джайентс», разгромив их со счетом 8:3. Было только двадцать минут шестого, когда Лили открыла дверь своим ключом. Войдя, она окликнула горничную Мими, известив ее о нашем приходе, и отправилась в ванную, а я прошел к бару в углу огромной гостиной, застланной кашанским ковром размером девятнадцать футов на тридцать четыре, за джином, тоником, ведерком со льдом и стаканами. Когда я вышел на террасу с подносом, Лили уже сидела

там за столиком под навесом, изучая оценочную карточку команды, которую я сохранил.

— Ну и молодчага этот Харрельсон, — сказала она, когда я поставил поднос на столик. — Целых пять очков добыл. Будь он здесь, я бы обняла его и расцеловала.

— Тогда я рад, что его здесь нет! — ухмыльнулся я. — Ты бы бедняге все ребра переломала.

Из гостиной донесся голос:

— Мисс Роуэн, я ухожу.

Мы повернули голову. Девушка, стоявшая в проеме дверей, появилась в пентхаусе Лили недавно. Я видел ее всего два раза, хотя смотреть на нее было довольно приятно: приличная фигурка, все на месте, рост примерно пять футов и четыре дюйма, гладкая смуглая кожа и смышленные карие глаза. Волосы каштановые, перехваченные на затылке резинкой. Звали девушку Эми Деново. В июне она получила диплом об окончании колледжа Смит. Десять дней назад Лили за сто долларов в неделю наняла Эми, чтобы та помогла подготовить материалы для книги о покойном отце Лили. Он нажил огромное состояние, прокладывая канализацию и водопроводы, и оставил дочке наследство, которого запросто хватило бы на то, чтобы содержать дюжину подобных апартаментов. Кому доверить сочинительство книги — Лили еще не решила.

Ответив на пару вопросов, Эми ушла, а мы с Лили говорили о бейсболе, в основном о том, что есть у «Метс», если вообще у них что-то есть, кроме Томми Дэвиса, Бада Харрельсона и Тома Сивера, что они могли бы иметь, если бы мы прожили достаточно долго. Потягивая коктейли, мы скоротали время до шести часов, после чего я собрался уйти. У Лили оставалось еще достаточно времени, чтобы переодеться к званому обеду, на котором приглашенные всерьез собирались облегчить положение неимущих,

произносятся пылкие речи об уничтожении гетто. У меня на вечер тоже была назначена встреча, на которой я также всерьез намеревался облегчить бумажники кое-кого из своих друзей с помощью удачно прикупленного туза или валета.

Однако внизу в вестибюле меня перехватили. Швейцар Альберт уже собирался распахнуть передо мной дверь, когда кто-то произнес мое имя. Обернувшись, я увидел Эми Деново, которая поднялась со стула и подошла ко мне. Девушка робко, но очень мило улыбнулась и спросила:

— Не могли бы вы уделить мне несколько минут? Я хочу кое-что вам сказать.

— Конечно выкладывайте, — ответил я.

Эми Деново посмотрела на Альберта, и он понял намек и вышел на улицу. Я предложил присесть, и мы подошли к скамейке у стены, когда входная дверь открылась. Вошедшие, мужчина и женщина, неспешно прошествовали к лифту и остановились.

— Здесь довольнолюдно, — сказала Эми Деново. — Я просила у вас несколько минут, но, возможно... это займет больше времени. Ничего? И потом... Это дело очень личное... В том смысле, что оно касается меня.

Только сейчас я заметил ямочки на ее щеках. На смуглой коже они смотрятся даже симпатичнее, чем на светлой.

— Вам двадцать два года, — заявил я, и Эми кивнула. — Тогда нам хватит и одной минуты. Итак: сейчас ни в коем случае за него не выходите — вы еще слишком молоды. Потерпите хотя бы годик, а потом...

— О, дело вовсе не в этом! Мое дело *очень* личное.

— А по-вашему, замужество не личное? Даже чересчур личное — вот в чем беда. Если ваше дело займет не несколько минут, а несколько часов, то на восемь у меня назначена встреча. Тем не менее я знаю тут за углом одно

местечко, где подают коктейли и готовят вкуснейшие сэндвичи с яйцом и анчоусами. Вы любите анчоусы?

— Очень.

Вновь открылась дверь, пропустив двух женщин, которые решительно двинулись к лифту. Да, для личной беседы место было и впрямь неподходящее.

Идти рядом с Эми было одно удовольствие: она не отставала и не забегала вперед, не шаркала и не семенила. В это время дня в августе в «Кулере» было немногочисленно, и мы заняли угловой столик, за которым я с Лили час-тенько перекусывал. Когда официантка приняла у нас заказ и удалилась, я поинтересовался у Эми, не стоит ли отложить разговор о личном деле, пока мы не заморим червячка.

— Нет, я не могу... — покачала она головой, помолчала секунд десять, потом вдруг выпалила: — Я хочу, чтобы вы разыскали моего отца!

Я приподнял бровь:

— Вы его потеряли?

— Нет, дело в том, что его у меня никогда и не было. — Эми быстро-быстро протараторила эти слова, словно боясь, что ее оборвут. — Я решила, что должна кому-нибудь рассказать об этом, еще месяц назад, а потом, когда мисс Роуэн поручила мне эту работу, я узнала, что она с вами знакома, и вот тогда... Я-то давно уже слышала про вас и про Ниро Вулфа. Но я не хочу, чтобы этим занимался Ниро Вулф. Я бы хотела, чтобы именно вы мне помогли.

Ямочки уже не появлялись, а карие глаза пристально смотрели на меня.

— Увы, ничего не выйдет, — сказал я. — Двадцать четыре часа в сутки и, если требуется, семь дней в неделю я вкалываю на Ниро Вулфа и не могу заниматься своими делами. Хотя, как ни странно, именно сейчас у меня выдался сво-

бодный час... — я кинул взгляд на часы, — и еще двадцать минут, так что если вам нужен совет, то я готов помочь. Бесплатно.

— Но мне нужно больше чем совет, — возразила Эми.

— Вам трудно судить, ведь вас это дело касается лично.

— Еще как касается! — Карие глаза буравили меня насквозь. — К тому же я никому не могу сказать, кроме вас. Никому! Когда на прошлой неделе я впервые увидела вас, то сразу поняла, что вы единственный человек в мире, которому я могу довериться. Мне никогда прежде не приходилось испытывать подобное по отношению к любому мужчине... или к женщине.

— Очень трогательно, — произнес я. — Но только я не падаю на лесть. Значит, говорите, отца у вас не было?

Глаза Эми метнулись в сторону официантки, которая принесла нам коктейли и сэндвичи. Когда нас обслужили и мы вновь остались вдвоем, Эми попыталась улыбнуться:

— Я так выразилась, конечно, в переносном смысле. — Она понизила голос, и мне пришлось напрячь слух. — Я никогда его не видела и не знала, кто он такой. И сейчас не знаю. Не знаю даже, каково мое настоящее имя. И никто этого не знает — никто! Вот в чем дело. Мне кажется, что Деново — не настоящая фамилия моей матери. Думаю, моя мать вообще не была замужем. Вам известно, что означает Деново? Это два латинских слова: *de novo*.

— Что-то новое. Нова, например, — это новая звезда.

— Это означает «заново», «снова» или «сызнова». Моя мать как бы начала жизнь заново, сызнова, вот и взяла себе фамилию Деново. Жаль, что я не знаю этого наверняка.

— А вы ее спрашивали?

— Нет. Хотела и даже собиралась, но опоздала. Она умерла.

— Когда?

— В мае. Всего за две недели до того, как я окончила колледж. Ее сбила машина. Водитель скрылся.

— Его нашли?

— Нет. Но говорят, что до сих пор ищут.

— А родственники у вас есть? Сестра, брат...

— Нет, никого больше нет, — вздохнула Эми.

— Так не бывает. У всех есть родственники.

— Нет. Совсем никого. Хотя, конечно, кто-то может носить настоящую фамилию моей матери.

— А двоюродные братья и сестры, дяди, тети...

— Нет.

Да, дельце становилось довольно запутанным. Или, напротив, предельно простым. Я знал немало людей, которые предпочитали считать себя одинокими, но вот Эми Деново, похоже, и в самом деле была на этом свете совсем одна. Одна-одинешенька. Я предложил ей попробовать сэндвич, она согласилась и откусила кусочек. Обычно, когда я сижу с кем-нибудь за одним столом, то подмечаю какие-то характерные для этого человека мелочи и особенности, поскольку такое наблюдение позволяет лучше узнать его, но сейчас я позволил себе расслабиться, поскольку то, как Эми кусала сэндвич, жевала, глотала или облизывала губы, не имело ни малейшего отношения к ее делу. Впрочем, я все-таки подметил, что отсутствием аппетита девушка не страдала, что она и доказала, уписав за обе щеки свою порцию. Покончив с едой, Эми осведомилась, входят ли такие сэндвичи в число любимых блюд Ниро Вулфа, и, похоже, была несколько разочарована, когда я ответил, что нет, не входят. Когда тарелка опустела, Эми призналась: оказывается, она и сама не ожидала, что так проголодается, наконец поделившись со мной столь долго вынашиваемой тайной. Потом она чуть заметно улыбнулась (ах, эти ямочки!) и добавила:

— Как все-таки плохо мы сами себя знаем.

— И да и нет, — глубокомысленно изрек я. — Некоторые из нас знают себя даже слишком хорошо, а вот другие — совершенно недостаточно. Я, например, совсем не желаю знать, почему, вставая по утрам, блуждаю в тумане, как сомнамбула. Если же я стану ломать над этим голову, то, возможно, вообще навсегда лишусь сна. Впрочем, лично я всегда сумею выбраться из любого тумана. Что же касается вас, то вы не в тумане. Напротив, вы под лучами прожектора, который сами на себя наставили. Но что вам мешает самой же и отключить его?

— Это вовсе не я. Прожектор включили другие люди, в первую очередь — моя мать. Я ничего не могу с ним поделать.

— Ну хорошо. Тогда что вас больше всего заботит? Подлинная фамилия вашей матери? Или отца?

— Конечно отца. В конце концов, с матерью я прожила вместе всю жизнь, так что мое желание выяснить ее настоящую фамилию объясняется простым любопытством. Вот отец — другое дело. Жив ли он? Кто он? Что он собой представляет? Я же унаследовала его гены!

— Да, ведь вы окончили колледж Смит, — серьезно кивнул я. — Там, должно быть, много рассказывали про гены. Мистер Вулф как-то раз высказал мысль, что ученым вообще следовало бы умалчивать о своих открытиях: делясь ими, они порой усложняют людям жизнь. Кофе не желаете?

— Нет, спасибо.

— Здесь замечательная выпечка.

Эми помотала головой:

— Признаться честно, я готова проглотить все, что угодно — даже не знаю, что это вдруг на меня нашло, — но все же воздержусь. А вы?.. Вы сказали, что готовы дать мне совет.

— Да. — Я положил руку на стол. — Дело у вас и впрямь заковыристое. Одним советом тут не обойдешься, даже если он исходит от человека, которому вы доверяете. Так вот, у вас есть примерно один шанс из миллиона, что через неделю кропотливого и добросовестного труда предпринятые мной поиски могут увенчаться успехом, однако с наибольшей вероятностью можно предсказать, что работа затянется надолго и влетит вам в копейчку. Сколько у вас денег?

— Немного. Но я, конечно, заплачу вам.

— Не мне. Я уже объяснил, как обстоят дела. А у Ниро Вулфа гипертрофированные представления о размерах гонорара, вот почему мне нужно точно знать, какими средствами вы располагаете. Если вы не против, конечно.

— Нет, я не против. У меня никогда не было особых сбережений. Я тратила все, что зарабатывала. У меня есть только то, что я получила в наследство от мамы, за вычетом расходов на... кремацию. Мама оставила особое распоряжение на этот счет. В банке у меня немногим больше двух тысяч, вот и все. Но долгов никаких нет, хотя и мне никто не должен.

Я приподнял бровь:

— А чем занималась ваша мама?.. Впрочем, это не имеет значения. Ясно, что зарабатывала она достаточно, коль скоро послала вас в дорогой колледж. Или кто-то ей помогал?

— Нет, она сама справлялась. И все-таки вас интересует, как она зарабатывала на жизнь. Так вот, мама была ассистентом продюсера на телевидении, причем, насколько я помню, это был всегда один и тот же человек. Она зарабатывала тысяч пятнадцать в год, может быть, немного больше. Она мне не рассказывала. — Живые карие глаза

вновь вперились в меня. — Если я заплачу Ниро Вулфу две тысячи, он позволит вам заняться этим делом?

Я потряс головой:

— Он даже обсуждать не станет. Он прекрасно понимает, что такая работа может растянуться на целый год, тогда как ему ничего не стоит содрать с какого-нибудь клиента пять тысяч за одну неделю. Должно быть, вы плохо его знаете. Вулф невероятно упрям, чудовищно честолюбив, вздорен и почему-то вбил себе в голову, что он самый непревзойденный и лучший сыщик в мире. Я, впрочем, придерживаюсь того же мнения, в противном случае уже давно сменил бы место работы. Мне кажется, вам нужно помочь. Вы этого заслуживаете, к тому же мне нравятся ямочки у вас на щеках. Если я ни с того ни с сего попрошу Ниро Вулфа принять вас, он просто одарит меня свирепым взглядом, и все. Решит, что у меня крыша поехала. Однако у меня есть одна идея, которая, возможно, придется вам по душе. Мисс Роуэн обожает делать добрые дела, денег у нее куры не клюют, так что вы можете...

— Не вздумайте рассказать ей про меня!

— Спокойно! Я вовсе не собираюсь про вас рассказывать. Ни ей, ни кому другому. Я просто подумал, что вы могли бы сами обратиться к ней, и...

— Я ни к кому не стану обращаться!

— Хорошо, я тоже. Как у вас сразу глаза запылали! — Я внимательно посмотрел на нее. — Послушайте, мисс Деново, я умываю руки только потому, что другого выхода нет. Будь я вправе, то с удовольствием взялся бы за это дело не только потому, что оно сулит какие-то неожиданные повороты, но и потому, что мне просто приятно иметь дело с такой очаровательной девушкой. К тому же не исключено, что пришлось бы расследовать дело об убийстве...

Глаза Эми полезли на лоб.

— *Убийстве?*

— Ну да. Правда, пока это совершенно бездоказательно, но очень часто в делах, связанных с наездом, после которого водитель бесследно скрывается, в конце концов выясняется, что произошло преднамеренное убийство. Впрочем, я упомянул это лишь для того, чтобы подчеркнуть еще одну причину, по которой охотно взялся бы сам за ваше дело. Однако у вас нет ни единого шанса заинтересовать своими проблемами мистера Вулфа, вот в чем беда. Очень сочувствую, но, увы, это так.

Эми потрясла головой, не спуская с меня глаз.

— Но, мистер Гудвин, что же мне тогда делать? — (Похоже, мои разглагольствования насчет убийства нисколько ее не обескуражили.) — Положение у меня совершенно безвыходное. Мне даже не с кем поделиться.

Такие вот дела. Скажу сразу: двадцать минут спустя, когда я остановил такси и назвал водителю адрес Сола Пензера, на душе у меня скребли кошки. Конечно, жить вместе и работать на самого выдающегося сыщика в мире — это замечательно, но когда к тебе обращается хорошенькая девушка и говорит, что ты ее единственная надежда — пусть это всего лишь лезть, — а ты вынужден ее отшить, ясно, что настроение после такого отнюдь не рыцарского поступка далеко не безоблачное. Сидя в такси, я усиленно пытался заставить себя думать о перипетиях бейсбольного матча и игре «Метс».

Когда таксист высадил меня на углу Парк-авеню и Тридцать восьмой улицы, было без шести восемь. О том, в какую сторону изменилось после этой встречи благосостояние моих приятелей и мое собственное, я, пожалуй, умолчу. Порой карты оказываются поразительно капризными, сами знаете.

ГЛАВА 2

В пятницу у нас все было строго регламентировано. Без четверти десять я вышел из нашего старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, прошагал до ее пересечения с Десятой авеню, завернул за угол, вывел из гаража «херон», которым владеет Вулф, а вожу я, и покатил к Лонг-Айленду за Вулфом. Вот уже три дня он гостил у Льюиса Хьюитта, коллекционера, владевшего десятью тысячами орхидей и двумя колоссальными оранжереями длиной сто футов каждая. Возвращаясь в Манхэттен, Вулф, как обычно, сидел сзади, судорожно вцепившись в изготовленный для него по специальному заказу ремень, потому что, по его словам, ни одному автомобилю нельзя доверять ни на секунду, а я вел машину, старательно избегая ухабов и рывков. Правда, вовсе не из-за Вулфа, поскольку у меня имелась теория, что ему толчки только на пользу, а из-за горшков с орхидеями, которые мы везли в багажнике и которые не были упакованы в ящики, причем среди них были два новых гибрида, полученные скрещиванием *Laelia schroederi* и *Laelia ashworthiana*. Они стоили не меньше двух штук, но важно было то, что ни у кого в мире, кроме Хьюитта, а теперь и Вулфа, их не было. Остановившись перед крыльцом нашего старого особняка из бурого песчаника, я нажал на клаксон. Несколько секунд спустя, как было условлено, вышел Теодор Хорстман, спустился к машине и помог мне сперва перетаскать драгоценные горшки к лифту, а потом и доставить их в оранжерею. Свою сумку Вулф донес сам. На этот счет у меня есть не теория, а правило. Ему нужны упражнения. Когда я наконец спустился в кабинет, Вулф уже устроился за своим столом в единственном кресле, способном выдержать его

вес и объем, и просматривал почту. Почти одновременно со мной вошел Фриц и сообщил, что ланч подан.

За столом, как было заведено, деловые вопросы не обсуждались, да у нас, собственно, и дел-то никаких не было, а упоминать Эми Деново с ее просьбой я не собирался. Обычно мы беседовали о чем угодно по выбору Вулфа, но на сей раз разговор начал я. Накладывая себе мясо с серебряного блюда, я заметил, что, по мнению одного моего знакомого, шиш-кебаб куда вкуснее, если готовить его не из ягненка, а из козленка. Вулф тут же заявил, что любое подобное блюдо вкуснее, если готовить его из козленка, но свежее мясо козленка, должным образом разделанного и обработанного, достать в Нью-Йорке практически невозможно.

Потом он переключился с кулинарии на фонетику и сказал, что «шиш-кебаб» — это неправильно. Нужно говорить «сикх-кебаб». И произнес отдельно по буквам. Именно так, оказывается, говорят в Индии, откуда родом это кушанье. На языке хинди или урду «сикх» означает «тонкий железный прут с петлей на конце», а «кебаб» — мясной шарик. Какие-то болваны на Западе изменили произношение на «шиш» вместо «сикх» — им пошло бы только на пользу отведать жесткий, как подметка, сикх-кебаб из дряхлого, доживающего свой век осла, а не из нежной козлятины. Вулф все еще ворчал, вспоминая недобрым словом тех, кто искажает иностранные выражения, когда мы покончили с вкуснейшим десертом, приготовленным Фрицем из малины под кремом из сливок, сахара, яичного желтка, хереса и экстракта миндаля. Наконец мы вернулись в кабинет. Вулф занялся почтой, а я принялся заносить в картотеку новые орхидеи, которые Вулфу удалось выманить у Льюиса Хьюитта.

В четыре часа Вулф протопал к лифту и отправился в оранжерею на второе ежедневное двухчасовое священнодействие в обществе орхидей и Теодора, а я поднялся по

лестнице в свою комнату и занялся личными делами: проверил носки и поменял ленту на пишущей машинке. По какой-то неведомой мне причине времени такие дела отнимают больше, чем кажется. Вот почему, услышав звонок в дверь, проведенный и в мою комнату, я кинул взгляд на часы и с удивлением заметил, что уже без двадцати шесть. Дверь открыл Фриц, как заведено у нас, когда я бываю наверху, но пару минут спустя зазвонил мой телефон. Я снял трубку. Фриц сказал, что молодая женщина по имени Эми Деново хочет поговорить со мной, и я попросил отвести ее в гостиную.

Когда, поднявшись по ступенькам на крыльцо старого особняка из бурого песчаника, вы войдете в просторную прихожую, то вторая дверь слева ведет в кабинет, а первая — в гостиную, которой мы пользуемся довольно редко, в основном для того, чтобы провести туда посетителей, присутствие которых в кабинете нежелательно. В отличие от кабинета и кухни, обставлена гостиная довольно неприятно, поскольку Вулф почти не заглядывает в нее и ему все равно, как она выглядит.

Я вошел в гостиную и застал Эми Деново сидящей в кресле у окна.

— Вот и я, — сказала она, вставая.

— Вижу. — Я приблизился к ней. — Я, конечно, рад вас видеть и не хочу, чтобы вы сочли меня грубым, но мне казалось, что вчера я объяснил все достаточно ясно.

— О да, я все поняла. — Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась довольно вымученной. — Тем не менее я решила, что должна снова поговорить с вами и... попытаться встретиться с Ниро Вулфом. Поэтому я... Словом, я кое-что сделала.

Под мышкой у Эми была коричневая кожаная сумка с большой застежкой. Девушка снова села, достала из сумки

СОДЕРЖАНИЕ

ПОГОНЯ ЗА ОТЦОМ	5
УБИЙСТВО НА РАНЧО	199
ПОЖАЛУЙСТА, ИЗБАВЬТЕ ОТ ГРЕХА	391

Стаут Р.

С 78 Пожалуйста, избавьте от греха : романы / Рекс Стаут ; пер. с англ. А. Санина. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 576 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-22202-1

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Эми Деново просит Вулфа найти ее отца, которого она никогда не знала и от которого после смерти матери получила в наследство четверть миллиона долларов наличными. Вулф берется за дело, а заодно находит и убийцу матери... Арчи Гудвин проводит отпуск на ранчо своей подруги Лили Роуэн. Управляющего ранчо Лили арестовывают по подозрению в убийстве человека, который обесчестил его дочь. Гудвин пишет письмо Вулфу с просьбой об отпуске за свой счет, чтобы доказать невиновность управляющего. Однако знаменитый сыщик неожиданно появляется на ранчо и предлагает свою помощь... Вулф сидит без работы, а деньги на его счету таят. Обеспокоенный этой проблемой, Арчи Гудвин сначала уговаривает вдову погибшего от взрыва бомбы, подложенной в ящик письменного стола, обратиться к Ниро Вулфу, а потом убеждает Вулфа взяться за расследование...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ

ПОЖАЛУЙСТА, ИЗБАВЬТЕ ОТ ГРЕХА

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Анна Быстрова

Подписано в печать 14.12.2022. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 35,28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-ILD-31164-01-Р